

Любовь случается дважды в жизни.

Первый раз, когда ты не знаешь, что такое любовь. И второй раз, когда ты думаешь, что настоящая любовь у тебя уже была и никогда не повторится вновь.

Ефим Гаммер

Совершенно очевидно, что история литературы России (как и СССР) тесно связана с толстым журналом. Условно говоря, толстый литературный журнал несёт несколько функций. Это отбор произведений из общего потока (подразумевается экспертная оценка текстов), представление публике широкого жанрового диапазона, отражающего современный литературный процесс, ориентирование на так называемую «высокую литературу» в противовес «массовой» или «коммерческой», вероятная поддержка наиболее перспективных и интересных начинающих писателей и, конечно, формирование «систематического архива» живой и подвижной истории литературы — истории, которая творится прямо сейчас.

Таким образом, толстые журналы — настоящие флаги литературы. Очереди на публикацию — традиционно большие и никогда не уменьшаются.

Сегодня, дорогой читатель, в поле нашего зрения — известнейший питерский журнал «Нева». Журнал издаётся с 1955 года и был основан на базе «Ленинградского альманаха». В советское время в журнале публиковались Михаил Шолохов, Вениамин Каверин, Михаил Зощенко, Лев Гумилёв, Даниил Гранин, Александр Солженицын, Василь Быков, братья Стругацкие и другие. В наше время в «Неве» печатались Сергей Переслегин, Галина Таланова, Валерий Дударев, Юрий Поляков, Александр Карасёв, Евгений Алёхин, Александр Карпенко, архимандрит Августин (Никитин), Игорь Сухих и другие известные писатели.

Журнал публикует прозу, поэзию, критику, эссеистику, публицистику. В советское время печатал переводы, а также короткие исторические очерки о Ленинграде (Петербурге, Петрограде).

Чем же дышит современная «Нева»? Посмотрим. . .

«Восхождение в Сибирь»

Олег Ермаков, № 6

Ермаков — прекрасный художник слова. Замечательные пейзажные зарисовки формируют пространство, в которое погружаешься глубоко. Картины выписаны страстно, байкальская красота — величественная и подавляющая одновременно — воздействует со страниц рассказа как настоящая стихия. Следует заметить, что временами (не во всём тексте) автор тяготеет к так называемой «жёсткой форме»: короткие, односложные предложения, лаконичные, даже рубленые построения: «И тут на дороге — той, по которой стада гоняют, — оказался всадник. Свернул и неспешно подъехал к нам. Алтаец. Лет сорока. В лесной одежде. У седла карабин. Мы все с ним поздоровались. Он не ответил. Молча сидит и разглядывает нас внимательно. Всех». Текст, безусловно, грамотный и со вкусом собранный, но ему всё-таки не хватает размаха, к которому обязывает тема: эпическая природа, монументальная красота, колоссальный Байкал. . . Текст «спринтерский», а хотелось бы «стайерский».

В строгом смысле слова, по жанру это не рассказ, пожалуй: отсутствует отчётливый сюжет, нет кульминации, нет выраженного конфликта. Не похоже это и на традиционный очерк: есть диалоги, колоритно выписанные персонажи. . . Это, скорее, хроники, записки, жизнеописание, мастерски выполненные художником.

Проза такого рода может быть жизнеспособной только благодаря колоритному слову, позволяющему наполнять художественное полотно эпическим дыханием. Сюжет здесь вторичен; красота и некоторый бытийный контекст (люди как свидетели и участники какой-то другой, «необычной» жизни) — вот что первично.

«Тринадцать окон»

Евгений Мамонтов, № 6

Повесть, своеобразная по ироническому вкусу и особому свойства юмору:

«На двери туалета, изнутри, у нас была приклеена карта Новой Зеландии. Я был уверен, что

выучил её навсегда. Думал, вот и отлично, пригодится. Я тогда считал, что как-нибудь обязательно приеду в Новую Зеландию. Прожить жизнь и не побывать в Новой Зеландии!..»

«А за кассой небожительница—сожжённые в белую стекловату волосы, портовая красавица, бойкая на язык, дешёвая и шикарная, как японская жевательная резинка».

Однако от страницы к странице происходит заметная перемена: сухое отрывистое повествование в форме чистой регистрации каких-то малозначительных фактов.

В целом предложена довольно оригинальная художественная концепция: тринадцать крошечных этюдов, объединённых общим героем и композированных по принципу «одно большое путешествие (странствие) по жизни»—герой останавливается в разных городах и странах на разные сроки жизни. С ним происходят всевозможные—значительные или не очень—события, которые мы, условно говоря, можем сложить в мозаику и охарактеризовать как «жизнь—странствие». В этой связи оригинально решены названия «окон»-главок: «7. Горького (Тверская), 9. Годзилла», «9. Окато-ва, 20. Китайская серенада», «13. 405 Circle Ave, Takoma Park, Maryland—176 street, Washington Heights, New-York»,—эти названия отображают микролокации, где происходят те или иные события с главным героем.

Финал хотелось бы назвать открытым, но мне он кажется оборванным чуть ли не на полуслове.

«Голоса пустыни»

Ефим Гаммер, №6

«Голоса пустыни»—роман ассоциаций. Очень своеобразный язык, нестандартные конструкции, к которым надо привыкать: «Мара позвала его пальчиком, и он пошёл из казарменного кубаря, пошёл от стола с угощеньем, не доведя себя до кондиции при встрече с Ициком и Изей, друзьями по „тирануту“—курсу молодого бойца». Вот ещё: «К скользким, особым тель-авивским, потом проклеенным рукопожатиям подталкивала Николая Анка-пулемётчица, завершившая смену по охране жилых помещений и теперь охраняющая их обитателей».

Много внимания уделяется декорациям: скрупулёзное, детальное. Риску утверждать, что иногда декорации несут здесь функции персонажей—безмолвных персонажей, участвующих в сюжете: «Канторка мелко светилась в поле дежурной электрической лампочки, висевшей у самого потолка под металлическим абажуром. Канцелярский стол, на нём ваза с цветами, пепельница, шариковая ручка. <...> У стены книжная полка, забитая пухлыми папками... <...> Вроде бы всё на месте. Ничего не тронуто. И всё-таки...»

Роман состоит из коротких и очень коротких миниатюр. Авторская форма временами напоминает репортаж («Воровской патриотизм», «Железнодорожные надежды», «Новый теракт»).

Это сложная и «неудобная» проза, в которой переплелось множество вопросов, о которых и говорить-то как бы неловко. Временных платформ несколько: арабо-израильский конфликт, Вторая мировая война, СССР и Израиль. Лейтмотивом через всё произведение—извечный еврейский вопрос, который—долой деликатность—никогда не будет закрыт.

Между строк сквозит обида на советскую власть, на СССР (за притеснения, несправедливости), очень много боли: «И он стал заново учиться ходить, чтобы искать правду. А так как его нога смотрела совсем не в ту сторону, то он делал шаг вперёд, а два назад—точно как советская власть, когда она училась ходить в соответствии с бессмертной работой Ленина. (Кто её сегодня помнит?)»; «Гибель Помпеи—Октябрьский переворот, ввергший в клиническое сумасшествие одну шестую часть Земли,—Вторая мировая война и гибель шести миллионов евреев, убитых лишь потому, что родились евреями».

В целом текст напоминает разбитую и хаотично разбросанную мозаику из отдельных фрагментов исторической публицистики. На уровне ощущений фрагменты эти явно связаны в определённой логике и объединены в одну генеральную линию. Но не содержательного свойства (один главный герой, русско-советская действительность, израильская жизнь, еврейский вопрос), а метафизического, стоящего над самим повествованием. И именно эта метафизика, стоящая над текстом, здесь главная. Есть в этой странной метафизике лирика—некая иррациональная нота. Странные ощущения. Они не хорошие и не плохие, эти ощущения, но они странные. Это интересно испытать.

«Цветок Мандрагоры»

Игорь Зоткин, №6

Новогодняя сказка для взрослых со счастливым концом. В сказке нашему вниманию предлагается обворожительная, полумаргинальная компания нечисти.

Знакомьтесь: отбившийся от рук вурдалака-алкоголик, который не прочь перекинуться в комара; похожий на хиппи загадочный хозяин болота (по-видимому, болотник, или болотный леший, вероятно, дух из славянской мифологии, известный как царь болота); русалки лёгкого поведения; вредная стерва-кикимора; подлая гадюка, знающая человеческий язык; продвинутый заграничный гость—зомби, щеголяющий лысым до самых костей черепом. Неплохо для начала?!

Все события разворачиваются вокруг таинственной, наделённой разумом и волей Мандрагоры — излюбленной авторами фэнтези единицы флоры.

Некоторая нехватка писательской школы компенсируется бойким языком, дефицит вкуса — своеобразным стилем, яркой фантазией, богатыми декорациями и известной тягой к славянскому зубоскальству. Последнее, в общем-то, обуславливает и авторскую самобытность.

Применена контрапунктная композиция, характеризующаяся наличием двух параллельных сюжетных линий, — структура, присущая более крупным произведениям (повестям, романам). Одна линия в этом рассказе сказочно-мистическая, другая — реалистическая; в конце этим линиям, по закону жанра, суждено открыто столкнуться.

В произведении «Цветок Мандрагоры» для меня стала сюрпризом неожиданная аллюзия на «Мастера и Маргариту». Точнее, на повествовательную линию, связанную с двумя известными и столь любимыми народом булгаковскими хулиганами — Бегемотом и Коровьевым.

Финал, как и обещано автором в самом начале, и вправду счастливый и, что важно, по-настоящему интересный и нетривиальный! За полученное хорошее настроение от прочтения автору легко прощаются технические огрехи и некоторая стилистическая небрежность. В благодарность назовём последнее «авторской манерой»...

«Четвертак», «Смерть Евы Крамер», «Федерико Альварес»

Иван Константинов, № 7

«Четвертак»

Первое впечатление: много слов. Очень. Тонешь в словесном потоке и при этом чувствуешь, что в сюжетном отношении продвинулся недалеко. Дальнейшее действие набирает обороты, события сменяют друг друга по определённой, выстроенной автором логике, но автор задаёт правила, которые с лёгкостью меняет в ходе повествования.

То ли намеренная (или ненамеренная) профанация, то ли неведомая игра с многочисленным нарушением всех возможных правил, то ли тривиальное (или нетривиальное) желание подать за искусство то, что на деле требует банального семинарского разбора и ученической работы над ошибками, то ли всё вместе сразу. Постмодернизм и эксперимент? Возможно. Оригинально и интересно? Быть может. Как индикатор читательского терпения. Не исключено, что основная авторская мысль связана с тем, что вся наша жизнь — некие подмошки, театр, если хотите. И мы слишком серьёзно зачастую относимся к чему-либо. А стоит ли бы быть настолько серьёзным, если уже всё предreshено кем-то или чем-то?..

Своеобразная попытка разобраться в этом сложном мире за счёт нас, дорогой читатель. Что ж... старшее поколение обязано помогать младшему, хотя бы это и касалось литературного расследования, при помощи которого автор познаёт мир. И дело не в том, что в диалогах психология престарелых людей предстаёт совершенно тинейджерской, и не в том, что Карл Миллер — известный актёр, а Ева Крамер — интернет-магазин кукол (полагаю, «все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения — случайность»), но важно то, что любой опыт, даже неудачный, должен привести к тем или иным выводам, ведь нравственный опыт (главная тема рассказа) — самый важный...

«Федерико Альварес»

Юношеская тяга автора к звучным иностранным именам может быть понятна, но осознание того, что есть реальный Федерико Альварес — известный режиссёр и сценарист, сбивает с толку и путает все карты. И уж совсем читательское восприятие начинает бунтовать, когда знаешь, что реальные художники Альваресы таки были (а произведение именно о художнике). Причём несколько (братья Эухенио и Сесар Альварес Дюмон, Рафаэль Альварес Ортега...)!

Сюжетный перевёртыш этого мистического произведения, конечно, выигрышный и отчасти компенсирует слабые пункты, связанные со стилем, диалогами, которым не веришь. Но хочется полагать, что такой мощный аванс Константинову, как публикация в «Неве», имеет серьёзное обоснование и послужит автору добрым подспорьем.

«Мечтая об Америке»

Андрей Игнатъев, № 7

Роман, с любопытной классифицирующей пометкой «травелог», то есть построенный на путевых заметках, частично реализован в дневниковой форме. В центре внимания — молодой студент из России, приехавший в США с целью языковой практики и устроившийся на лето универсальным ремонтником-разнорабочим в детский лагерь.

Произведение не из банального разряда «как я провёл лето». Нет! Нам предлагается довольно интересная тема. Тема международных отношений на очень локальном участке, где собрались представители многих национальностей. Помимо коренных американцев, автор знакомит нас со студентами из Канады, Мексики, Шотландии, Кореи, Новой Зеландии, Франции, Чехословакии... Предложен интересный взгляд со стороны: ханжество, цинизм, шовинизм... под культурным соусом, так сказать. Улыбки, вежливость и скрытое за этим истинное отношение. Мотивы латентных конфликтов поданы автором тонко — читаешь с любопытством,

поскольку Игнатьев обладает очень развита́той психологической наблюдательностью.

Другая не менее важная и актуальная проблема, о которой говорит автор, — гражданские права. И не кого-нибудь — права детей! Тема острейшая, раскрытая Игнатьевым во всей своей максимальной непривлекательности относительно вопросов этики и морали, когда вследствие перекоса системы под удар попадают взрослые люди, вынужденные соблюдать букву закона.

Портреты персонажей чрезвычайно выразительны и по-настоящему интересны:

«Их предводителю — мистер Кэриган, мужчина лет сорока. Ходит в строгом костюме, а на ногах кеды. Он постоянно держит во рту трубку, но я ни разу не видел, чтобы она дымилась. Волосы у него взъерошенные, обильно вымазаны гелем. Явно хочет, чтоб про него сказали — эксцентрическая личность».

«Сьюзан из Канады. <...> По американским меркам она, наверное, стройна, по нашим — полновата. На лицо она ужасна — похожа на кролика. Волосы — бесцветные, лоб усыпан веснушками так, что кажется, будто это сходит кожа, обгоревшая на солнце. <...>

Больше всего раздражают её писклявые возгласы. <...>

— Oh, really?

— Oh! I love this song!

За обедом Сьюзан ест, откусывая пищу своими кроличьими зубами, и постоянно при этом подёргивает носом, я бы даже сказал — ноздрями. Как кролик. <...> Всегда после еды... она начинает ковырять в зубах...»

«Этьен всё ещё возился с едой. <...> В лице его было что-то неуловимо поэтическое: голубые глаза, бледная кожа, светлые волнистые волосы. Весь окружён ореолом чего-то возвышенного. Он окончательно сразил меня тем, что заткнул за воротник бумажную салфетку, прежде чем приступить к обеду».

Хочется отметить и высокое качество литературного вещества, язык очень лёгкий и образный: «Ведь плотная нью-йоркская застройка караулила уже здесь: небоскрёбы жались друг к другу, а между ними, протискиваясь, пытаюсь пробиться к свету, росли их новые и новые собратья. Хлопки вертолётных лопастей затерялись среди тарахтения отбойных молотков, невероятные башенные краны уходили вверх, теряясь в облаках, где красновщики за день давали точный прогноз на дождь. <...> И реклама — она пылала повсюду, как корь, которую подцепил город».

Впечатления, которыми делится автор, неоднозначны. Многие из нас (включая вашего покорного слугу), с детства заочно очарованные Америкой, нью-йоркскими пейзажами по многочисленным рассказам, фото, кинофильмам, создавшим

неповторимый романтический ореол «великой страны свободы и больших возможностей», думаю, с интересом прочитают вот такой текст — взгляд и впечатления современной российской молодёжи (речь об авторе произведения): «Все небоскрёбы: и тупо-, и остроконечные, увенчанные как шпилями, так и некими подобиями куполов, и белые, и серые, и жёлтые, и кирпично-оранжевые, и угольно-чёрные... незаурядные архитектурские воплощения, укладывались во вполне определённую картину, которую являл собой Нью-Йорк, — металлическая стружка, вставшая на дыбы под действием колоссальной магнитной силы, стягивающей сюда со всего света деньги и души». Этот яркий фрагмент в данном произведении, наверное, одна из самых концентрированных точек зрения и взглядов на заокеанскую волшебную чудо-страну, которую так окутали мифом. Мы окутали мифом. Вообще же сила слова, очень яркого и колоритного, которую использовал Андрей Игнатьев при описании Нью-Йорка, практически не уступает силе воздействия видеозаписей с высоким разрешением. Создать потрясающее пространство, ощущения и мощную физику — сильная сторона автора.

«Tinder»

Александр Рыбин, №7

Несмотря на выраженную романтическую линию, рассказ «Tinder» реализован в духе жёсткого реализма. Он и она — корреспондент и фотограф. Работают в горячей точке. За деньги. За большие деньги. Несомненно, любая война всё обезценивает, привносит изрядную долю цинизма. Финал очень жёсток, прежде всего, для читателя. Построенный на жёстком контрасте, после столь тонко выстроенной лирической линии, финал сокрушает высокое своим коротким цинизмом. Но дело, разумеется, не только в войне...

«О красоте», «О лошадях»

Анатолий Бимаев, №7

Первая положительная аллюзия при чтении рассказов Бимаева — Михаил Зощенко. Разговор, конечно, не о фирменном стильном косноязычии великого классика — язык Бимаева современный, как и событийное насыщение. Но «темперамент» текста, тематика, похожая композиция — налицо! Не так много сегодня хорошей юмористической прозы, при чтении которой с удовольствием вспомнишь о Зощенко, Аверченко, Ильфе и Петрове!..

«Новая искренность», «Маленькая любовь», «Белгород — Харьков»

Алексей Колесников, №7

Главное умение автора — найти детали, которые способствуют острому читательскому восприятию.

Колесников — мастер находить такие детали. Представленные рассказы (особенно «Новая искренность» и «Белгород — Харьков»), «от и до» состоящие из таких вот деталей, дышат нервным и каким-то дёрганым конфликтом — это не отпускает внимание до тех пор, пока не дочитаешь

до конца, — проза Колесникова болезненно пульсирует.

Чуть иной градус остроты в произведении «Маленькая любовь» — этот рассказ, конечно, более романтичен, хотя и оставляет горький аспириновый осадок.